

Лексика, связанная со строительством и переходом в новый дом

Попова А.Д.

ГУК РО «Раздорский этнографический музей-заповедник»,

ст. Раздорская

При изучении данного вопроса было проанализировано 66 текстов, собранных в семи районах Ростовской области: Шолоховском, Константиновском, Азовском, Тарасовском, Багаевском, Усть-Донецком и Цимлянском. Таким образом, удалось охватить территорию Верхнего, Среднего и Нижнего Дона. Также в данной работе используется Большой толковый словарь донского казачества.

При анализе собранных текстов мы можем наблюдать следующее: в каждом районе и по настоящее время сохранились обряды, связанные со строительством и переходом в новый дом. Со временем они претерпели некоторые изменения, а именно: произошло сокращение и усовершенствование ритуала строительства.

В ходе анализа собранных текстов были выделены три группы лексики:

1. собственно обрядовая лексика;
2. название персонажей, которые являются покровителями домашнего очага;
3. лексика, приуроченная к описанию обряда строительства.

Первая группа – собственно обрядовая лексика, практически совсем не фиксируется. В ходе исследования был найден лишь термин «входины». В большом толковом словаре донского казачества даётся следующее толкование: «входины» — новоселье: «када дом мы пастроили вот эта жы называица фходины» (Чертковский р-н, х. Сетраки).

Несмотря на то, что собственно обрядовая лексика практически не фиксировалась, мифологическая сторона строительства и перехода в новый дом, сохраняется. И наблюдается это на территории всех исследуемых районов.

Ко второй группе – название персонажей покровительства домашнего очага — относятся следующие: домовый, хозяин, домовик. Домовой чаще именуется по месту обитания: домовый, домовик. В собранных текстах традиционно распространён образ домового: «он у каждам доми живет / наверна на чирдаке // я ни видала // вот нидавна видил хто-та / только бис хваста иво видили//» (Усть-Донецкий р-н, ст. Раздорская).

Название домового может отражать и его статус в семье. Например, в текстах, собранных на территории Багаевского района встречается равнозначное домовому название «хозяин». Следующий текст иллюстрирует обрядовое действие при переходе в новый дом: «када у новый дом пириходить / завут дамавова с сабой // хазяин пайдем в дом / на начь воду аставляють / если атпил / значить пришил //». Наряду с мужским образом домового существуют женские соответствия этому персонажу – это мифологические хозяйки дома. Они могут носить следующие имена: домовиха, домовилиха, хозяйка (модовиха, домаха). Данные названия были взяты из Большого толкового словаря донского казачества и этнолингвистического словаря «Славянские древности».

В текстах встретилось только последнее название – хозяйка. Например, в Цимлянском районе, х. Карпов «у нас так гаварили / если куда пьрийижаишь или пастроилса / нада пазвать дамавова с-сабой // два дамавых / хазьайн с хазьаичкай / я ухажу / пайдьемте са-мноу / так гаварили //».

Третья группа – лексика, приуроченная к описанию обряда строительства – самая обширная. Она устойчиво фигурирует на территории всех рассматриваемых районов. На данной группе мы остановимся и рассмотрим её более подробно.

Всю лексику можно разделить на 4 класса:

1. конструкции, связанные с выбором места для будущего дома;
2. процесс закладки дома;
3. строительство;
4. освящение построенного дома, новоселье.

Гадания при выборе места для будущего жилища и по настоящее время сохранили тесную связь с ритуалом. Место для строительства нового дома могли указывать при помощи специальных внешних признаков: является оно сухим или сырым, (естественно, что влажность считалась неблагоприятным качеством) там, где растёт себирёк, место считается наиболее благоприятным для строительства дома и т.д.

В выборе места для будущего дома кроме внешних признаков немаловажное значение придавалось гадальным мероприятиям. В данном исследовании эта группа лексики не рассматривается. Она будет являться проблемой будущего изучения.

Если выбранное место для строительства нового дома испытало проверку по внешним признакам или по неким гадальным действиям, то считается что место «облюбовали». Я попыталась проанализировать данное слово. На мой взгляд, приставка «об» несёт в себе семантику «обхвата», с целью присвоения чего-либо себе. Можно привести следующие примеры: объединить, обтянуть, обхватить, т.е. замкнуть в какое-либо пространство. В слове «облюбовали» также чувствуется эта семантика. «Облюбовать», дословно — «объять любовью», т.е. распространить свою любовь и закрепить её за этим пространством. Таким образом, место, которое облюбовали, считалось присвоенным будущим хозяевам дома «от облюбовали / будут строица //» (Шолоховский р-н, х. Лебяженский).

Все устойчивые выражения, относящиеся к закладке дома, являются этапом, который предваряет само строительство. Первым существенным моментом здесь считается маркирование углов и соответственно границ между домом и остальным пространством. В результате этого действия, пространству приписывается некоторое символическое значение с признаком «внутренний–внешний» и противопоставляются углы середине дома. Например, в Шолоховском районе для разделения границы дом/не дом встречается процесс забивания осиновых кольев: «па-углам читыря кола / иде будиш строица // нада этат асиновый кол и забить, штобы беды ни прихадили //»

При закладке дома не меньшее значение придавалось выбору времени для начала строительства. Оно считалось благоприятным, если выпадает стройка по срокам на Троицу. Например, в Тарасовском районе встретился следующий текст: «на троицу рубили веточки и фсигда / если стройца / то уже прибирають эти палочки и стройуть // и па каждому углу кладуть / шоп прибытие було и щасьтье //». Одним из фрагментов славянского строительного обряда является жертвоприношение, совершаемое в магических целях при закладке дома. Оно обеспечивало его прочность и долговечность, а также благополучие хозяев. По Байбурину, семантика строительной жертвы основана на уподоблении строительства дома сотворению мира, который, согласно космогоническим преданиям, был возведен из жертвы.

Вопросом о жертвоприношении занимался также ученый Зеленин. Он в своей работе «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов» приходит к следующему выводу: «Жертвы, при основании зданий, служили в идеологии раннего родового общества компенсацией древесным духам за срубленные для постройки деревья. Эта рубка деревьев для дома, с точки зрения примитивной идеологии, влекла за собой смерть жильцов, которые первоначально были одновременно и строителями дома. Жильцы и стали обманывать демонов-тотемов, подсовывая им вместо самих себя детей, пленных, а после рабов и животных».

В собранных текстах на территории Шолоховского района в качестве строительной жертвы выступает петух: «ну / кладуть первуу брявно / апчинку / и баруть пьатуха // атрубьат йяму голува на этой апчинки и тада стройуть //»

В качестве строительной жертвы могли выступать предметы, наделенные магической силой. При этом употребляются следующие конструкции: «залаживать денях»; «залаживать ф хундаминт деньги, сирибро»; «класьть иконы, кресьтики»; «закладывать в угол дома манетку //»

В Багаевском районе, например, встретился такой текст: «если дом стройать / манетку сиребряну пауложать // эта ат удаления ничистых дух //»

На мой взгляд, семантике глагола «закладывать», приписывается «направленность действия», которая имеет определённую цель, то есть смысл, который мы вкладываем в тот или иной предмет, приобретает совсем иное качество для выполнения заданной функции.

В народной традиции глаголы «залаживать», «класть», «сложить», «закладывать» используются как символический способ передачи свойств от одного предмета к другому. Например, серебряные деньги – к богатству, подкова – на счастье; небольшие иконки и крестики считались божественными защитниками дома.

«Дом строили фсем мирам» – это выражение говорит о том, что люди в строительстве дома старались помогать друг другу. Это действие символично, так как несёт в себе идею самодостаточности мира (т.е. община замкнута сама на себе). Если дом строить при таких условиях, то он будет крепким, прочным: «дом строили усем мирам // была раздиленья труда // дапусьтим дети / деуащкы / им давали или штукатуриуть / другий паднасили землю / а старшийи мясили ногами // тада жалели дятей // найомных рабоущих брали ретка // часта семьями / роцвиники / то тот придот / то тот придот //» (Багаевский р-н, ст. Манычская).

Дом могли строить также и плотники. Им приписывались тайные способности, знания, связанные с нечеловеческой природой. Плотники могли сделать так, что построенный ими дом оказывался непригодным для проживания: в нём поселялась «нечистая сила». Для этого они использовали необходимые предметы. Например, такими являются – гусяное перо, при строительстве печки.

«если ани гусянае пяро привяжуть / там труба идёт / прилепюуть / от тожы тада чой-ть будить // дым нарьна будить итить / да а то сажа там патикёт //» (Шолоховский р-н) Или могли использовать пустую бутылку: «как заплайтишь / могут ани бутылку пустую ставяуть у фундаменти / здесь будит ана завывауть //» (Усть-Донецкий р-н, ст. Раздорская).

Когда дом построен, первой в него должна войти кошка. Она в народных представлениях наделялась различными демоническими функциями. Только после кошки заходят сами хозяева дома. Текст из Шолоховского района: «када в новый дом заходят / гаваряют нада сперва кошку бросить / штобы ана пирначавала / а патом захадить с-ыконай // паставить иё ф пиредьний угал / тада только фсилаца // штобы какии беды / штобы ани на кошку //»

Само действие, «пускание» кошки, символично. В данном случае, на мой взгляд, оно имеет значение «запускания», начало нового жизненного процесса, жизни в новом доме. После этого дом обязательно нужно освятить. Таким образом жилище очищалось от всех нечистых духов: «я приглашала батюшку // я как вот эта пастроили дом / набилила / нарасила // дет паехал // пасвители мы хату // папочивали и батюшку // ну там жы он приглашал сваих пэфчих // пасвители он и сарай и пасвители / и па дому хадили //» (Усть-Донецкий р-н, ст. Раздорская).

Местом обитания «нечистой силы» в доме считалась печь и границы дома – окно, порог. Для того чтобы не позволить злему духу проникнуть, жильцы «закрещивали» эти места (чаще всего ночью, перед сном, либо по календарным праздникам).

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» даётся следующее толкование слову «закрещивание»:

Закрещивание – в славянской магии осеять крестным знаменем охраняемый объект, изгоняя зло (болезни, нечистую силу и пр.). Семантика закрепщивания в народной магии определяется универсальной символикой креста как одного из главных элементов христианской культуры. Слово «закрещивание» близко таким глаголам, как «запирание», «закрывание», «заграждение» и под. Таким образом, закрепщивание применяется для защиты охраняемого объекта или пространства от «нечистых сил».

На основе собранного материала можно сделать следующий вывод. На территориях всех исследуемых районов наблюдается одна и та же картина: произошло исчезновение специальной обрядовой лексики. Скорее всего, на это подействовала редукция обрядовых действий. Как видно из текстов, сохранились только описательные конструкции, приуроченные к строительству и переходу в новый дом, а также сохранилась связанная с ним мифология.

Библиографический список

- [1] Байбурин А.К. «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. – Л., 1979
- [2] Байбурин А.К. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища // Фольклор и этнография. – Л., 1977
- [3] Байбурин А.К. К описанию структуры славянского строительного материала. // Текст: семантика и структура. – М., 1983
- [4] Большой толковый словарь донского казачества. РГУ. – М., 2003
- [5] Славянская мифология (энциклопедический словарь). – М, 1995
- [6] Славянские древности (энциклопедический словарь). I–II т.
- [7] Зеленин Д.К. Тотемы–деревья в сказаниях и обрядах европейских народов.